

Гермеса и Персефону и самого великого Плутона, чтобы, раз уж ты мне коварно посоветовал или скорее соблазнил отправиться в Пелопоннес со всем скарбом, за это ты претерпевал бы в аду, ступая по чертополоху и акантам, чтобы иссякла для тебя вода Стикса, чтобы во веки веков ты не пил воды Леты, чтобы день и ночь сверлили тебе мозг отвратительные речи твоего соперника, чтобы ты лишился золотых флоринов, которые ты, обманутый, отдал скрывающимся под белым покровом⁷⁷. Пребывай в аду, мучаясь до последнего трубного гласа, и принимай нас радостных, когда и мы, если богу будет это угодно, придем к тебе.

**Письмо Мануила Голобола с товарищами
лучшему и славнейшему из врачей
господину Никифору Палеологу Калаке**

25. Думаю и до того нашего письма, о котором три дня тому назад я вел разговор во сне с моим лучшим другом Мазарисом, ты хотел узнать, лучший из врачей, как обстоит дело со мной, подобно тому как и я сам знаю с тех пор все в точности относительно тебя от врача Ангела, который перенес много мучений в Пелопоннесе при получении своих же денег и от отчаяния и упадка духа устремился в Аид. Поэтому нет нужды в длинных разговорах, чтобы написать тебе и утешить тебя во всем и особенно в несчастии и трудах, которые ты перенес, живя в Пелопоннесе. Уехавший из своей родины подобен получившему крылья муравью, и как тот погибает, летая вокруг и около, так гибнет и первый, переезжая с места на место. Но вот что я хочу тебе сказать кратко только в качестве утешения. Раз ты ушел из великой столицы, как я это узнал, и пришлось тебе жить в Пелопоннесе, и теперь, борясь с несчастиями, ты извелся, впад в отчаяние, почти лишился разума и по ночам проклинаешь тот день, в который ты покинул родину, днем же ты вечно вспоминаешь детей, дома, поля, деревья, плоды, цветы, лакомства, рыбу, богатства, пиры, зрелища, беседы с лучшими людьми и все другие удовольствия и наслаждения, я хочу предложить тебе лекарство, отвращающее эти мысли, так что оно даст тебе забвение всех благ, которыми ты наслаждался; я и сам в былое время выпил его в Аиде и забыл все неприятности, которые имел от своего соперника, и обо всем прекрасном, чем я наслаждался в жизни, и о тех золотых флоринах, которые я, обманутый, как простофиля, — о, Геракл! — отдал этим скрывающимся под белым покровом. Воспоминание обо всех наслаждениях, мой милый, является несказанным мучением, наказанием наиболее тяжким, страданием, что грызет не только тело, но истощает и душевные силы. Если бы ты только захотел хоть раз выпить это целебное средство, которое в аду называется «водой Леты», и только его одно, ты бы забыл обо всех этих вещах, и у тебя не будет памяти не только о родине и о всех удовольствиях, которыми ты наслаждался, но также и об этом зарытом золоте и большом нововозделанном поле, о хороших доходах, о спасительных⁷⁸ снадобьях, которые ты поручал делать честнейшему Севастьяну, а также и о взносах чужеземцев и о денежных подарках начальников Галаты. Будь здоров, лучший из врачей и самый счастливый, на многие дни под светом солнца.

Написано в Тенаре 16 октября и послано с Синадином из Кормеи.

⁷⁷ Опять намек на Ксантипулов. См. прим. 20.

⁷⁸ Ирония: вместо „губительных“.